Феномен творческой личности Н. Гумилёва

Личность Николая Гумилёва столь многогранна, что составить о ней целостное представление почти невозможно. Болезненный, плохо учившийся воплощением мужества, крупным поэтом, мальчик стал серьезным этнографом. Эпизодов его недолгой жизни хватило бы не на одну яркую биографию. Африканские экспедиции, в которых он проявил удивительную стойкость и умение ладить с самыми неприступными правителями; участие в Первой мировой войне, на которой он был награжден двумя Георгиевскими крестами, романы с необыкновенными женщинами (А. Горенко, Е. Дмитриевой, Л. Рейснер); участие (с до сих пор не проясненными обстоятельствами) в контрреволюционном заговоре и расстрел – самый беглый перечень событий в жизни Гумилёва впечатляет любого, кто впервые знакомится с его судьбой. При этом поэт не был позёром, не подыгрывал рождению автомифа. Неприятие поведенческих моделей проглядывает в его критическом отношении к Байрону.

Что влекло Гумилёва к «чужому небу»? Что было движителем «одинокого конквистадора»? Что составляло личностный стержень и основу поэтического универсума? Оценка знавших Гумилёва людей даёт ориентиры. А. Ахматова: «Визионер, пророк, фантаст». Г. Иванов: он «всю жизнь посвятил одному: заставить мир вспомнить, «... в Евангелии от Иоанна сказано, что Слово – это Бог». Г.К. Честертон: «утопист», «захваченный вполне кельтской идеей поэтократии как единственного средства, способного преобразить мир». Характеристики определенно роднят Гумилёва с поэтамиромантиками, и его стойкая привязанность к «лейкистам» (Вордсворту, Колриджу, Саути) близость эту подтверждают. Д. Святополк-Мирский отмечал «мужественный романтизм» справедливо Гумилёва идеи английского неоромантизма ему определенно были чужды. Конгениальными были для него и умонастроения Бодлера. Нельзя не

упомянуть в этом контексте Рембо: Гумилёв переводил его стихи, общей была у них и притягательность Абиссинии, и деятельностный принцип самоосуществления.

На карте «чужого неба» важное место занимает кельтский ареал. Заинтересованность в кельтизме явлена была в стихотворении «Камень» «Бретонская (1908).имеющем подзаголовок легенда», драматической поэме «Гондла» (1917). Летом 1917 г. Гумилёв познакомился в Лондоне с У.Б. Йейтсом, лидером Ирландского возрождения. Этот незаурядный поэт и драматург, будущий лауреат Нобелевской премии, был вовлечен в сложный комплекс исканий: помимо кельтизма, стремления основать христианско-друидический ирландский орден, они вбирали в себя оккультизм и теософию. В новейших отечественных исследованиях, Гумилёву, посвященных появились разного рода предположения сопричастности «русского друида» к ирландским проектам, рассуждения о возможностях русско-ирландских духовных взаимодействий в период до официального крещения Руси. Едва ли перспективны в научном плане этиувлекательные, но мало доказательные идеи. Учесть их стоит «по касательной»: Гумилёв до конца дней интереса к Йейтсу не терял, переводил его произведения (в том числе стихотворную драму«Графиня Кэтлин»), вариант жреческого служения Поэта.В этом кельтизм привлекал егокак проявлялось тяготение Гумилёва к архаике, к не искаженным культурноцивилизационными паттернами магическим формам установления контактов с сакральной праосновой бытия.